

Б И Б Л И О Т Е К А К Л У Б А Х Л

Александр Курапцев

ИВАН-ДУША

СТИХИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2024

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=411.2)6-5
К93

Книга издана при поддержке
Проекта Вячеслава Заренкова
«Созидающий мир»

Курапцев, А. В.

К93 Иван-душа : стихи / Александр Курапцев ; [Литературный клуб XL]. — Санкт-Петербург, 2024. — 62 с. — (Б-ка Литературного клуба XL).

ISBN 978-5-00125-923-7

Александр Курапцев родился в 1981 году в Дзержинске (Донбасс), там же начал трудовую и творческую деятельность. Работал грузчиком, кровельщиком, горнорабочим, сторожем, охранником, слесарем-сантехником, официантом, контент-менеджером. В настоящее время — электрогазосварщик на ОАО «РЖД». С 2014 года проживает в Санкт-Петербурге. Пишет стихи, рассказы, песни, выступает как автор-исполнитель. Член Межрегионального Союза писателей (Донецкое отделение). Автор поэтических сборников «Лоскуты» (Донецк, 2011) и «Иван-душа» (СПб, 2024).

В данный сборник вошли стихи, написанные в 2010-2019 гг. В них, наравне с остро-социальной тематикой (будни донецкой глубинки — Тудырки, выступления против АТО в Донбассе), отражается философский взгляд на смену времён и поколений, на реальность, обретающую через призму поэзии прозрачность и призрачность — как и декорации Петербурга, в которых лирический герой оказывается в конце книги.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=411.2)6-5

Ограничение по возрасту 18+

ISBN 978-5-00125-923-7

© А. Курапцев, текст, 2024
© А. Воропанов, оформление, 2024
© Литературный клуб XL, 2024

ДОМ И ДЫМ (о поэзии Александра Курапцева)

В этом сборнике пять частей: пять времён года, пять сторон света, пять углов дома. В нём всё так, как пишутся хорошие стихи, и всё-таки что-то пугающе не так. В нём есть знание жизни, чувство слова, мужественная зрелость, творческая свобода — и что-то помимо этого. Что-то слегка раскачивающее созданный автором поэтический мир. То ли колыбель над бездной, то ли катафалк в степи.

Если нужны жизненные объяснения этой особенности, они есть. Поэт Александр Курапцев родился в Донбассе в 1981 году, а значит, пережил несколько социальных землетрясений: распад страны, в которой явился на свет, потом другой, в которой учился забывать первую, потом обретение третьей, в которой идёт война.

В книге представлен поэтический отчёт о прожитой жизни: от момента, когда «младенец ловит небо ртом» до всего, что этот младенец, подрастая, увидит. О самом себе немного, почти ничего, только взгляд — то пристальный, по-детски удивлённо рассматривающий диковинные мелочи бытия («букашка, крошка, куколка, жучок, / отмычка, спичка, ключик, язычок, / дрожанье звука, музыка и ритм...»), то по-стариковски отдалённо видящий мир в целом («а здесь вверху сплошная благодать / небесный град святые государи / до будды и христа рукой подать / и солнцу улыбается гагарин»), но всякий раз какой-то нездешний, иностраннный, пронизающий увиденное насквозь и не объясняющий, как с этим жить.

Смена времён видится тоже в разных ракурсах. Вот вид в целом, обобщающий, как бы испытывающий, насколько поэтично это обобщение, насколько оно скрижально в своей летописной очевидности:

*раньше в городе гудели шахты росли терриконы
по выходным электричка ходила москва-петушки
рождались железные люди ржали железные кони
а теперь тут только пустыня буйки да флажки*

Но вот взгляд молодеет, становится зорче, жёстче, хлёстче, всматривается в лица и души соотечественников, которые когда-то «собирались во дворах / надували шаррики / выходили на парад / кутались в шарфики / пили водовку с лица / с каплями сердечными / за свободу до конца / и до бесконечности», а теперь их как будто подменили:

*нынче ходим на парад
в балаклавах шарфиках
кто поднок кто дурак
кто вообще без шарика
по-звериному рыча
будто и не люди
и не любим ильича
никого не любим*

Реальнее этой реальности и самого вождя, видится поэту только язык, который «живеет всех живых» и который останется, когда построенные миры будут разрушены до основания. Язык, который «на слове ловит и берёт на клык», который берёт «и мысль, и смысл», и всё, что есть в мире, и сам мир — «берёт и человеком говорит». Не «с человеком», а «человеком». Так они работают, эти гаджеты: поэзия, библия, жизнь.

Транслируя трансцендентное, Курапцев виртуозен и разнообразен. Стремясь не оборвать возникающую связь, он трансформирует речь, настраивая её на смыслы, которые не вмещает ни синтаксис, ни семантика. Кажется, что в его текстах, как и в его жизни, происходит распад мира и языка, который замедляется только тем, что не утрачивается смысловая связь, удерживающая стихи от провалов в заумь или околоумие. Они остаются внятные и понятны, только местами, деликатно тронутые деконструкцией, заставляют переключаться на смежные смысловые планы, в том числе и на политические.

Естественность, с какой жизненная реальность в стихах Курапцева превращается в поэтическую ирреальность, вызывает вопросы (в общем-то, необязательные) о степени осознанности автором своей поэтики, и автор предусмотрительно, не раз и не два, отвечает на них, например, так:

*я жалок я сделан из жилок и стен
как стебель некрепок и слеп
приходит воркуя господь новостей
приносит сомнительный хлеб*

*и крошит на камни горелую плоть
чужую мою и свою
в хреновые новости верит господь
и клавиши пальцы клюют*

Курашцев — книгочей, но стихийный, свободный. Он природен и самороден, но его, казалось бы, окказиональные приёмы не лишены системности. В них проступают трещины и границы поэтической деформации — то высокая, ветхая, ковчевая парность, то нестойкая, балансирующая бинарность:

- словесно-семантические цепи и слитки («спит-богатырским-сном-богатырь-и-с-ним-богатырский-конь», «про то про сё как жилибыли / как перестали жилибыть») и фантомные обрывы («синее мо», «светлое бу»);
- звукосмыслы («косточка и космос», «кожура и конура», «тернии и тени», «сумма да сума», «ларёк и рагнарёк») и смысловоритмы («и бедный бедный павел павел нервный», «что тебе до камня, если сам ты вода, вода»);
- именные окличания («Полфрейда за коня, полдетства за Эдина!», «был мужем Дон Кихот, был пацаном Патрокл, и Торин Дубоцит был родом из народа, и Кухулин почил, и Щорс, и Моторола») или нарицания («ты спокойный будто будда / будто нетто будто брутто», «рыщет в пыли по следу вещей чудесник-проп»);
- интертекстуальные мерцания («во глубине донецких руд», «скучно, бес, неизлечимо скучно», «звезда сомнительного щавеля», «без звоздей не построить людей», «клавиши пальцы клюют», «кто стучится в дверь ко мне / бытие и время», «из Тудырки с приветом») или паронимические трансформации («надень колечко обречальное», «назуглы правят одиночеством», «не хватайся нервно за стопкарм»);
- совмещение масштабов («В стакане дня темно и сыро, / звенит набат / кофейной ложкой. А над миром / дымит труба...»), смешение времён и культур («Во тьме египетской не видно ни хрена, / тьма вавилонская густа и солоня, / зато как днём, светло во тьме донецкой...»), смешение вообще всего со всем («нисходит с неба голубь или боинг, / нечистый дух, смешав добро и зло, / вселяется в железо и бабло»)...

Стихотворная кабанистика осложняется символическими и трагическими смыслами. Например, повторяющееся созвучие «дом и дым»: «смотришь на воду видишь дома и дым», «дома нет и дыма нет». Это важнейшие опорные концепты мироощущения поэта: дом, которого нет («был у меня дом»), и родина, которая в дыму («гонит татарин пленных

валит дым от икон», «из Одессы несёт человечиною, над Донбассом клубится дым»), вызывающая в культурной памяти грибоедовский «дым отечества» и тургеневский «дым» заграницы. А еще — библейское объяснение братоубийственной войны, обращённое к прапаматери, к прапамяти, к родине («Мама, мама, брат мой Авель / пьяный в дым приходит в дом...»).

А в центре этого всего — дымящегося, горящего, страждущего — Иван-душа. Как говорится, лирический герой. Или, как уже не говорится, эпический автор.

Стесняясь своей миссии, современный гомер умалает свои буквы и прописи, но совершает то же, что должен делать эпический автор: умирает в своих героях, чтобы стать голосом своего народа. Упоминаемая им Итака — символ родной земли, жизненного пути, истока и итога: *«И всплывает в памяти что-то совсем не то: / головешки, сажа, измятая береста... / у земли два имени тихих — Исток, Итог, / ты растёшь в неё, руки в стороны расластай».*

Устремляясь, куда влечет рок (Янка, Г.О., Цой), современный дант во вкальвает «во глубине донецких руд», где «скрежет и рокот», то возносится в заоблачные выси, где «кружат ангелы», а он «ещё не жив, уже не мёртв». Его эпика мифологична (Харон, Ахеронт, Лета, Эвридика), а его путь похож на бред («по кронам фонарей, по крышам, / по парапетах, по крестам / дремучим сном, летучей мышью»). Это реальная жизнь, но и воображаемый побег — «сквозь гладь бумажного листа».

Следуя за своей звездой, современный гоголь перемещается из окаянной окраинной Тудырки — через летаргический Ленинград («он повсюду теперь — этот город по имени Ленинград») — в не менее призрачный Петербург. И там, в искажённом, нет, исхоженном русской классикой пространстве, приходит осознание авторской идентичности: «и я шагал не ощущая тверди / и мне казалось это после смерти / бредёт моя донецкая душа / и мёртвый питер смотрит не дыша». Донецкий поэт, не переставая быть им, становится русским больше-чем-поэтом.

*Александр Кораблёв
Донецк*

ЧАСТЬ I

* * *

Младенец ловит небо ртом,
и небом ловит рот младенца,
его заботливое детство,
чтобы забыть его потом.

А он, не знающий тоски,
глочет жадно со слюною
сырое небо ледяное,
разломанное на куски.

И вырастает из пелёнок,
и из одежды вырастает,
и небо начинает таять,
и жар в груди, и лёд так тонок.

Младенец ловит небо ртом,
как морем брошенная рыба,
имея жабры, но не выбор,
и утопает в море том.

* * *

кто стучится в дверь ко мне
бытие и время
дома нет и дыма нет
есть дожди и семя
есть алтарь у алтаря
головы и руки
есть слова без словаря
символы и звуки
есть история и страх
косточка и космос
кожура и конура
головного мозга
белый свет и тёмный свет
ни войти ни выйти
есть события и нет
никаких событий
есть осколки и куски
тернии и тени
бормотание реки
шёпоты растений
пузырьки живой воды
молния и пламя
и глядящая из дыр
нежилая память
я сложу у алтаря
голову и руки
слух и голос потеряв
позабыв про звуки
и своё пустое я
я не обнаружу
выйдет время бытия
изнутри наружу

* * *

Живее всех живых живой язык,
на слове ловит и берёт на клык,
и мысль, и смысл хватая на лету,
медовую смакует пустоту.
Букашка, крошка, куколка, жучок,
отмычка, спичка, ключик, язычок,
дрожанье звука, музыка и ритм,
берёт и человеком говорит.
И строит мир, и разрушает мир,
и остаются буковки одни.
Неукротим и смертен, как река.
Я жил в нём и не ведал языка.

* * *

труба сосёт из неба синь
а вылетает бог
не веришь – у него спроси
как я дымлю трубой
когда прожорливая жизнь
таращится из тьмы
и покушается сушить
шагреновые сны
когда не хочется дышать
а хочется глядеть
как золотой бильярдный шар
толкает в лузу день
как в тучу забивает клин
пронзительный раскат
и вырастают корабли
из камня и песка
и поднимают паруса
и уплывают вглубь
всё несказанное сказав
перетерев золу
труба сосёт из неба свет
и отдаёт корням
и бога в небе больше нет
и нет в трубе меня

* * *

В стакане дня темно и сыро,
звенит набат
кофейной ложкой. А над миром
дымит труба,

и пар сиренево-белёсый
течёт в карман,
спешат часы, скрипят колёса,
растут дома,

растут подъезды и квартиры
и ввысь, и вширь,
и на душе опять паршиво
и – ни души.

На неба битую витрину
сквозь гул и гвалт
весь в пятнах луж, как далматинец,
скулит асфальт.

* * *

стакан наполовину полнопуст
стакан наполовину нестакан
я пью и слышу скрежет лязг и хруст
вот что-то начинает вытекать
издалека из камешков и льдин
из сна из дна из солнечного дня
из жерла горла вздохом из груди
тоской переполняющей меня
песком переполняющим меня
поток роток ещё один глоток
нужда вражда и жажда от ума
на дне звенят застывший кипяток
и тьма

* * *

солнцеворон висит сгоревшей лампой
в подъезде недокуренного дня
скорей согрей люминесцентной лапой
солнцеменя

зажмурь мои бессонные глазищи
допой куплет
сиреневое солнце нищих
пропащих лет

свети стеклянное светило
со всех сторон
сползает небо в паутину
солнца ворон

* * *

надень колечко обречальное
и ты невидимый невиданный
сачок сморчок смельчак и чайник
зовёт заведовать завидовать
звезда сомнительного щавеля
всем невесомым невысокликам
кончай мистерию качается
луна как лампочка усопшая
у монитора горлум корчится
зависло слово изначальное
назуглы правят одиночеством
и ничего не выключается

* * *

Время делается плотнее,
сквозь него всё труднее грести,
будто кисти деревенеют,
будто тень отошла от кости.

Эй, Харон, на хрена тебе лодка? –
за кормою седьмая вода
с киселём и палёною водкой,
Ахеронт захирел – не беда:

не шеломом, так мутным стаканом
зачерпни, а потом зачеркни.
Остолопы да истуканы
коротают застывшие дни.

В этом пасмурном мире и постном
без гвоздей не построить людей.
Вязнут вёсла и падают в осень,
и всё шире круги на воде.

* * *

Посадил у дороги дерево, вырос крест,
вырос дом, а за домом – улица и район,
показал лубяному небищу средний перст,
а оттуда ни сна, ни духа, там – никого.

Распахал, распахнул, распарился и пристыл,
зашумел, заиграл под корою солёный сок,
что ни сей из дурного семени, всё – кресты,
что ни пой, всё твоё дыхание – ветерок.

Вот стоишь огородным пугалом, и поля
под тобой скользят, сползая за горизонт,
и в тебе самом говорит, говорит земля,
и ты слышишь голос, но не разбираешь слов.

И всплывает в памяти что-то совсем не то:
головешки, сажа, измятая береста...
у земли два имени тихих – Исток, Итог,
ты растёшь в неё, руки в стороны распластав.

ЧАСТЬ II

* * *

во глубине донецких руд
забьют на труд и водку пьют
пока буржуй и жмот и плут
оттяпывает бабки
шахтёр шахтёру говорит
ты эпикур и сибарит
а если стрельнуть сигарет
то можно жить без хавки
питаюсь воздухом одним
святым как дух как дым родным
ты снова станешь молодым
прозрачным как стопарик
министра первого святей
и засияет вслед за тем
слепой скотинке в темноте
как нимб во лбу – фонарик

* * *

Курили мужики, курили,
бурили, рыли, говорили,
что сущность в слово не облечь,
и наша речь не стоит свеч.
И я там был, и пил я воду,
и я упоминал Свободу.
С улыбкой глядя на меня,
мне отвечали: всё – херня.
Свобода – это область духа,
возьми лопату и понюхай,
чем пахнет труд, и нам поведай —
греби отседа до обеда.
Я брал лопату, грёб породу,
шептал тихонько: вот уроды,
дал бог в напарники мудил...
И больше слов не находил.

* * *

Под серым небом сонная трава,
в траве сырые серые коты,
они когтят траву, хотят в кровать,
хотят заставить взять их и застыть.

Вороны важно прыгают в траве,
воронам пуха бог послал, пера,
влезают в уши, гадят в голове,
и мы встаём, идём, кричим ура!

Лежат в траве старухи, старики,
глядят в траву и думают траву,
из них растут ромашки, васильки,
пищат младенцы, тракторы ревут.

Деревья шелестят тропой травы,
ветвями оплетая провода,
и слушают, как начинают выть
троллейбусы, трамваи, поезда.

* * *

собирались во дворах
надували шарики
выходили на парад
кутались в шарфики
пили водовку с лица
с каплями сердечными
за свободу до конца
и до бесконечности
говорили сгоряча
речи до обеда
и любили ильича
яко же вседеда
нынче ходим на парад
в балаклавах шарфиках
кто подонок кто дурак
кто вообще без шарика
по-звериному рыча
будто и не люди
и не любим ильича
никого не любим

* * *

из Тудырки с приветом
закольцованный путь
скоро кончится лето
и зима как-нибудь
оборвавшись с балкона
прощай и прости
между двух терриконов
по степи просвистит
в небе копится копоть
в лёгких – угольный смог
эти скрежет и рокот
музыкальны как рок
это время с изнанки
тарахтит голоса
будто мёртвые панки
по подвалам тусят
в пьяном гвалте в котором
не понять ничего
и орут они хором
Янку или Г.О.

Производственный роман

сварщик сварщик ты балбеска
ты зачем сварил железку
эту прочную железку
эту сочную железку
эту тучную железку
я варёную не ем

грузчик грузчик ты дурак
ты опять сложил не так
не туда и не оттуда
ни того и ни сего
ты спокойный будто будда
будто нетто будто брутто
будто битая посуда
будто антисущество

бригадир мой бригадир
у тебя дыра в груди
под облезлой старой майкой
из неё летят лушпайки
шестерёнки стержни гайки
ипотека и кредит

вот маляр он космонавт
он нюхнёт своей работы
и кружится без заботы
по орбите до субботы
набирая обороты
от субботы до субботы
жёлтый-жёлтый как луна

нам директор чёрт мордатый
приказал а ну молчать
молоточками стучать
вы достойную зарплату
недостойны получать
взяли в руки по железке
и стучите что есть сил
был бы я бы Достоевский
вот тогда бы я платил

* * *

набитый злыми мужиками
гремит по трассе тарантас
везёт на смену с матюками
рабочий класс
рабы из лампы из матрёшки
шаманы джины чаклуны
чингизы фарики алёшки
все братаны
все из пластмассы и железа
отлиты мастером одним
из кожи и на стену лезут
и хрен бы с ним
над ними красный пролетарий
в рабочей куртке голубой
играет цоя на гитаре
дымит трубой
под ними адские промзоны
за ними бл*дская нужда
и гаражи и терриконы
и провода
стучит скотинка производства
мычит и гнётся и скрыпит
автобус едет как придётся
водица спит

* * *

Проезжая сквозь гнездо кукушки,
не хватайся нервно за стопкарм,
скучно, бес, неизлечимо скучно,
страшно, душно, в теле непослушном,
как в пещере, мается дикарь.

Кукушата кашею довольны,
кто пушинку сдует с кукушат?
Мы спешим, живём себе невольно
где-то между небью и болью,
на ходу проглатывая комья —
до чего же каша хороша!

* * *

Иван-душа дышал на ладан,
и ладан наполняла тьма,
и фонари глазами гадов
сводили медленно с ума.
Тесна казённая пижамка,
кровать суставами скрипя,
пыталась от земли отжаться
и причитала второпях.
За дверью голосили черти,
скребли увесистый замок.
Иван-душа, живи до смерти
и убирайся под шумок.
Твой ключ под ковриком, подкова
с копыта дьявола ноги
висит над дверью, как икона.
Обуй бахилы и беги
по кронам фонарей, по крышам,
по парапетам, по крестам
дремучим сном, летучей мышью
сквозь гладь бумажного листа.
Беги, лови своё кочевье,
благословляемый луной,
до кабака или харчевни
и утопи себя виной,
чтоб обезглавленное тело,
вернувшись из похмельных бездн,
раскинув руки, на постели
лежало как нательный крест...

Иван-душа лежит спокойно,
ведь всё своё всегда при нём,
обут, одет, обмыт, накормлен,
ещё не жив, уже не мёртв.
И кружат ангелы, и тихо
в ушах мелодия звучит,
и, потолок качая лихо,
роняет лампочка лучи
на крылья тонкие, легонько
он отгоняет их рукой,
как мух назойливых. В сторонке
мент сочиняет протокол.

* * *

Сосед умер ещё в прошлом году, зимой,
скоропостижно состарился, как-то нелепо, глупо,
а я до сих пор слышу, как он по ночам шевелится за стеной,
играя на нервах кровати своим оловянным трупом.

Приветствую, уважаемый, как тебе не живётся там,
как тебе там не дышится и не пьётся?..
В кухне на пыльной столешнице заплесневелый стакан
треснул, а в коридоре перегорело солнце.

Я слышу, как он бесцельно бродит, нащупывая свои шаги,
натываясь на мебель и стены, ногой не попадая в тапок,
чертыхаясь, нарезает по кухне размашистые круги,
туже затягивает над мойкой кран, но вода продолжает капать.

Сейчас постучится в двери – помятый, сутулый, седой,
попросит опять по-соседски мелочи на опохмелку,
затем возьмётся за сердце. Я вынесу валидол
и буду смотреть ему в спину, вымазанную побелкой...

Видимо, в здешних квартирах стены слишком тонки;
я открываю двери, зажигаю на лестнице свет,
вижу обрывок бумажки: «здесь живут должники,
за неуплату долга мы отключаем смерть...»

* * *

старые фотографии листая
я вижу город который то есть то нет
в городе жила бабушка моя медная золотая
в 90-х мы сдали её в цветмет

она вся состояла из цветного металла
тянула нас на свою пенсию в светлое бу
стирала чужие шмотки огороды чужие копала
чужая и неприкаянная лежала в гробу

раньше в городе гудели шахты росли терриконы
по выходным электричка ходила москва-петушки
рождались железные люди ржали железные кони
а теперь тут только пустыня буйки да флажки

за которыми исхода ждут племена кочевые
мясники с дровосеками из воздуха рубят бабло
по периметру как живые стоят часовые
одетые в словонепроницаемое стекло

если верить что всё происходит как задумано и как надо
нужно сжечь и забыть эти фото с временами другими
бабушку мою донецкую почему-то назвали ада
это ж надо было придумать такое имя

* * *

из дверного проёма в другой район
куй железо покуда труба поёт
и зовёт и зевает труба в трубе
это всё для тебя о тебе
дребезжит железо частят часы
эти скрип и скрежет отец и сын
и в глухом аду для тебя найдут
электрический резвый дух
о болванчик-мальчик угомонись
вытекает по букве по капле слизь
из прорехи в вехе как тот елей
залатай её и долей
все мы завтра будем с тобой в раю
громыхать в строю подыхать в бою
не кобенься дай покурить станку
покемарь пока перекур
мы болты и шайбы пруты листы
мы бруски обрезки и лоскуты
мы твои засранцы вся земля
исцели нас и похмели

* * *

спасибо деду за победу
спасибо бабе за еду
мы вышли рано утром в среду
толпой в токсичную среду
носами щёлкая гаджеты
грузны рассеяны тесны
а в урнах таяли газеты
как недосказанные сны
былому будущему вторя
происходящему из нас
писатели дурных историй
плетут на всех один рассказ
про ёли-пали ели-пили
про то как нечем больше крыть
про то про сё как жилибыли
как перестали жилибыть

ЧАСТЬ III

* * *

ходят щеневмерлики по дворам
ищут щеневмерлики мужиков
тех кого возьмут отправляют в рай
обходной дорожкой через окоп
бабы красным радуются трусам
брызжет трупным ядом зелёный шут
мужики попрягались по лесам
и в землянках варят с ушей лапшу
ах лапша-то нынче как хороша
плющит позабористой анаши
и лежат не двигаясь не дыша
мужики обьевшиися той лапши

* * *

вылез вася из земли
говорит хочу на фронт
васьля и замели
и землѣй набили рот
вася землю пожевал
подавился и упал
васю в землю закопали
и ногами притоптали
чтобы было не повадно
васьлям хотеть обратно
и повесили флажок
и поели пирожок
вася вася не вылазь
много вас на свете вась
вася вылез из земли
говорит душа болит
говорит хочу к врачу
а под землю не хочу
васю начали лечить
стали за ноги влачить
вася вася нэ журысь
землю ешь и подавись
открывай пошире рот
слава слава жри урод
снова в землю закопали
и асфальтом закатали
водрузили монумент
недоступен абонент

* * *

Гражданин уходит на войну,
чтобы стать бумажным и отважным,
чтобы мир размеренный нагнуть,
чтобы в мире стало меньше граждан.

Гражданин кипит от новостей,
с каждым вдохом он крепчает духом,
свой мешок обглоданных костей
набивает гражданским пухом.

В чехарде наветов, полуправд
он и сам уже похож на бред...
Оседают гражданский прах
по карманам щірих упырей.

* * *

Здесь красивая местность
и поют, как в раю,
здесь пацаки воскреснут,
а данайцы сгниют,
здесь не ходят налево
и не ждут за углом,
нет ни девы, ни древа —
натуральный облом.
Здесь красивая местность,
первобытный туман
и паршиво, и мерзко
от заманчивых мантр,
в тупике поколений,
у полыни в плену —
всякий сам себе Ленин,
Заратуштра, Гренуй.
Среди тегов и пугал,
формирующих строй,
всякий сам себе угол,
треугольник и ромб,
геометр, соучастник
инфернальной борьбы,
арифметику счастья
раздобыв из трубы,
нет занятней занятий,
чем вживлять миражи,
о, заядлый Замятин,
ты — неопровержим.
Здесь красивая местность,
остальное не в счёт,
смейся, куколка, смейся,
и пляши гопачок,
бормочи прибаутки,
заводись и балдей
под тимпаны и дудки
мастеров добрых дел.

* * *

у снега глаза велики
у страха неброски берёзки
под снегом лежат мужики
моржи муляжи отморозки
следы на снегу глубоки

лежат как живые лежат
под снегом ножи наготове
по снегу не вздумай бежать
покоя не смей нарушать
братушек по снегу и крови

в снегу хорошо-хорошо
покойно легко безмятежно
ложится искристый пушок
на снежную душу на снежный
застывшего глаза кружок

* * *

Мимо пацаков, ацтеков, отстойников,
мимо гремучих домов
катятся двести вагонов покойников
к самому синему мо.

Сельва бубнит от Каялы до Бахмутки,
словно запаяна в цинк,
взрослые режутся шашками в шахматы,
дети сосут леденцы.

Не успевают за дырками бублики,
за Сталинградом — фашист,
хватит народных бананов республикам,
аборигенам — лапши.

Хватит котомок потомкам полковника,
руки и губы в земле,
катятся двести вагонов спокойненько
по запасной колее.

Правда зависит от точки прозрения,
от приговоров и снов,
падают яблоки с древа забвения
с рёвом и свистом в окно.

Падает небо, и улица падает
в непроходимую тьму,
те, кто питается пеплом и падалью,
снова пируют чуму.

Время показывать, время доказывать
кривду упрямым ногам,
время живёт заводными рассказами
воцИрковлённых цыган.

Чисто обмыты, одеты, накормлены,
тёплые, как эскимо,
маются двести вагонов покойников:
где наше синее мо...

* * *

Мама, мама, брат мой Авель
пьяный в дым приходит в дом,
никого не узнавая,
мебель ветхую ломает
и кричит, что он — из рая
завербованный святой,

что ему теперь всё можно.
Он богует, словно царь,
потому что взял и ожил...
а в канаве придорожной
блеет тихо, осторожно,
недобитая овца.

Мама, мама, брат мой Авель
вечно пьян и снова юн,
тяготится нашим раем
и не помнит здешних правил,
я люблю его, но знаю,
что опять его убью.

* * *

Лежала во чистом поле мёртвая голова,
кругом шумела-ярилась трава-мурава,
днём в голове бродили кузнечики, стрекоча,
мышь в мёртвую голову скреблись по ночам.
Скакал раз мимо Аника-воин, Тудыркин сын,
увидел голову, слез с бтра, спросил:
Отчего здесь примятая лежит трава-мурава?
Чья это здесь бесхозная гниёт голова?
Голова ему отвечает, сама чуть жива:
Твоя это голова! Теперь твоя это голова!
Ангелы Господни балакают на Небеси:
Меняй свою старую голову на мёртвую и носи!
И будет тебе небо в алмазах и в копоти, б*я,
И будет тебе братским пухом сыра земля!
И время тебе привидится притчей и сном,
и сложат о тебе предания, и покажут кино,
и будут в тебе кузнечики бродить, стрекоча,
и мышь в мёртвую голову будут скрестись по ночам...
Там, где степь убегает в балки, а балки — в поля,
колышутся вдоль трассы клёны, вербы и тополя,
на небе кремлёвские звёзды зажигаются по одной,
висят солдаты на проводе — заряжаются тишиной.

* * *

спит-богатырским-сном-богатырь-и-с-ним-богатырский-конь
видит один солому другой – село в богатырском сне
гонит татарин пленных валит дым от икон
падают с неба подковы а в небо – снег

вот-богатырь-вскочил-богатырь-вскочил-богатырь-вскочил
быстро-седлал-коня-и-седлал-коня-и-седлал-коня
выронил танк катюшу дот и от них ключи
плюнул три раза и положил в карман

тёмная-тёмная-тёмная-силища-сила-си
гитлеру под сталинградом переломили хреб
скачет во поле воин храбрый один еси
светит ему с небес пропечённый хлеб

сладко-шумит-шуршит-золотистым-сном-колосистый-сноп
где-то вдали синее море марево-водопой
рыщет в пыли по следу вещей кудесник-пропп
спят богатырским сном богатырь и конь

ЧАСТЬ IV

* * *

Переделяваешь мир под кошмарный сон —
время, взятое займы, пахнет мертвецом.
Что осталось нам из мер? — сумма да сума,
отворяешь дверь в апрель — и идёшь с ума
до четвёртого угла, если повезёт —
всех отметит по делам батя-чернозём.
Приголубит, приютит и не возвратит
соль, созревшую в горсти, сладкую, как Стикс,
прель невысказанных снов, выстроганных бед,
пыль рассыпавшихся слов, потерявших цвет,
ядовитый сизый дым струйкою кривой,
память, полную воды, мёртвой и живой...

* * *

Во тьме египетской не видно ни хрена,
тьма вавилонская густа и солона,
зато как днём, светло во тьме донецкой,
где ходит ангел бледный за плечом
с пращёй, с пищалью, с огненным мечом,
и вопиёт в пустыню не по-детски.

И крестит скифских баб и мужиков,
и с ним идут курган и террикон,
нисходит с неба голубь или боинг,
нечистый дух, смешав добро и зло,
вселяется в железо и бабло.
О, Адонай, веди нас за собою!

Мерцает красным на копре звезда,
колёсики скрипят туда-сюда...
Ложатся, чёрным воздухом полны,
в последний перевёрнутый вагон
без дна за лесогоном лесогон
и стерегут обаполы и сны.

* * *

Наша сила в слове, а не в руках,
слово снова пущено с молотка,
взяли индоевропейского языка,
прикусили, намяли ему бока.

Говори, кому говорят, язык!
Ты, язык, язычник! Ты еретик!
До чего остёр — без одной кости,
вот — тебя в костёр и — айда крестить.

Говори, язык, выбирай слова,
набивай оскомину и словарь,
чтоб нельзя рассыпать и рассовать
по рукам, карманам, по рукавам.

Мы тебя пристроим и приструним,
ты у нас попляшешь, попомонишь,
будешь мёртвым, будешь, язык, родным,
отставным с утерянным позывным.

Мы таких с тобой наломаем слов —
ни в «чумацкий шлях», ни в узбекский плов,
ни в одни ворота, ребром, углом
не войдёт словесный металлолом.

Что-то ты притих, приуныл, язык,
если нечем крыть, перейди на рык,
сколько можно ёрзать и егозить?
Загрызи кого-нибудь, загрызи!

* * *

разгоняясь оглядись по сторонам
ветер в харю вежи вывихи стена
под стеною то песок то след то хлам
то страна

не страна но протяжённая межа
то измена то засада то пожар
хочешь жить умей божиться и бежать
балансируя на лезвии ножа

гражданином скудной выжженной земли
в диком поле на краю большой зимы
в сонме ликов отвечающих за них
позывных

у зимы пустые сонные глаза
у зимы есть автозак и кинозал
где хранятся те кто против те кто за
кто считает барыши кто новый залп

поднимая смету сбывшихся примет
не находишь в ней ни слова о войне
время самый ненадёжный инструмент
как по мне

* * *

троллейбусы едут едут
по направлению к лету
в холодном и бледном свете
в салонах сидим не мы
сидим и в окошко смотрим
и стёкла от взглядов мокнут
кондуктор Евгений Мокин
у всех проверяет сны
он тонкий как будто детский
он цапки несёт и пецки
он мёртвый поэт донецкий
и светится как в кино
из глаз его сыплют искры
троллейбусы едут быстро
и даже быстрее чем быстро
наперегонки с войной
он пишет стихи в билетах
он в старый костюм одетый
троллейбусы едут в Лету
сквозь морок тоску беду
и спящие пассажиры
кивают как будто живы
и смотрят не наши жизни
как видео на ходу

* * *

Время, чуждое, как чушь,
чёрствое, как хлеб,
пригуби его, почувствуй
канцелярский клей
тонкой коркой на губе,
горечью во рту,
ощути в самом себе
пустоту и стук
то ли яблок, то ли снов,
падающих в ночь
тёплым камнем под стеной,
темнотой в окно,
скрип уключин, плеск весла,
брызги на воде,
звон разбитого стекла...
никого...нигде...

* * *

корова перепрыгнула луну
и я иду по дну и не тону
гну антилоп подковы спину гну
люблю страну не думая о роздыхе
светло башке и холодно ногам
поют цикады песенки цыган
ржавеет мой пластмассовый наган
в сиренево-зелёном мокром воздухе

здесь каждый хоббит знает точный срок
когда сгорят ларёк и рагнарёк
и где сидят фазан тарзан хорёк
и замышляют электрификацию
быкует в бане раненный балрог
читай промежду букв как между строк
зажав волшебный посох между ног
крепись и не ведись на провокации

* * *

Камешек после смерти становится порошком,
быстродействующей бльью, пылью, живым песком,
засыпает глаза и уши, говорит, замедляя ритм —
не смотри на него и не слушай, как он затихает внутри.
Что тебе до камня, если сам ты вода, вода,
в которую время канет без всхлипа и без следа?
Его опознаешь разве в себе, если всё течёт,
держась за текучий разум, за жидкий его расчёт?
А человек после смерти становится сном во сне,
тихим, далёким смехом, кратером на луне.
Вся вода из него выходит и вся беда,
все слова, уже не рождённые никогда.
Остаётся одна крошечная ничева
и, бубня, произносит невнятные неслова,
тут уж ни живой, ни мёртвый, ни в зуб ногой,
будто камешки тук да тук один об другой.

ЧАСТЬ V

* * *

Полфрейда за коня, полдетства за Эдипа!
Прости,пусти меня, глухая Эвридика,
куда-нибудь туда, где заметает снегом
кресты и города под окаянным небом.

Когда кругом зима бездомна и бездонна,
легко сойти с ума на станции Садовой.
Поднявшись из глубин, я горько буду плакать,
что не уберегли народную Итаку.

И возрыдает хор, списав на волю Рока:
был мужем Дон Кихот, был пацаном Патрокл,
и Торин Дубощит был родом из народа,
и Кухулин почил, и Щорс, и Моторола.

Уж многие во мгле, не вычеркнуть из списка
подземных кораблей, тотемных обелисков,
тачанок и качков, матрёшек и ватрушек.
Вези, Грузовичкоф, по КАДу наши души.

Но как ты ни серчай, легко идут под сало
и вечная печаль, и млечная Вальгалла,
и братья во Христе, и сёстры по наводке,
и теленовостей эпические сводки.

* * *

*«Говорила мама...»
Анна Фомина*

Говорила мне мама тысячу раз подряд:
бойся чёрную кошку, не спи при полной луне,
ни за что не ходи в город по имени Ленинград
даже во сне.

Хлеб – всему голова, всему трава и листва,
пропечённое солнце, пшеничная сила, ублюдок божий,
в городе Ленинграде от клейстера пухнут слова,
написанные детским почерком на высохшей коже.

Провокаторы и предатели водят за хобот слона,
каменные изваяния шарят на Дворцовой по огородам,
в городе Ленинграде идёт и идёт война
с тысяча семьсот допотопного года.

Император Карл заеден вшами, разбит,
император Наполеон доедает павшую лошадь,
император Фюрер горелым бензином смердит,
в городе катастрофически не хватает собак, голубей и кошек.

В каменном городе-призраке с именем Ильича
бродят сутулые тени нескольких поколений,
зубы лежат на полке, сами собой стучат,
ёжится в мавзолее в меру упитанный Ленин.

Помню: восьмидесятые, столовка школьная, первый класс,
мы катаем хлебные шарики и друг в друга ими плюём.
Пожилая учительница долго смотрит на нас:
в Ленинграде, твари проклятые, вас бы съели за это живьём!

И мы отвечаем, сытые, обиженные судьбой,
отводя глаза от тяжёлого, невыносимого взгляда:
это есть наш последний и решительный бой —
не было никакого Ленинграда, нет его и не надо.

Время то раскатывается, как блин, то сворачивается калачом,
то ползёт по разбитой трассе гуманитарным конвоем,
его величество Голод стоит за железным плечом,
вращает пустыми зрачками, причмокивает и воет.

В ютубе ковидные воины проводят онлайн-парад,
из Одессы несёт человечинкой, над Донбассом клубится дым,
он повсюду теперь — этот город по имени Ленинград,
он наш, и мы никому его не сдадим.

* * *

на поле марсовом на сникерсовом поле
гуляли хипстеры с брадами в кока-коле
жевали чипстеры хрустящие зело
смартфоны самокаты наголо
в весеннем небе голуби летали
клевали пиццы ролтоны глотали
и песня раздавалась вдалеке
на правильном узбекском языке
нева ползла неву изображая
такая злая жадная чужая
врезаясь телом чёрным в окоём
и солнце вытекало из неё
и летний сад и замок инженерный
и бедный бедный павел павел нервный
и колющийся шарфик шерстяной
всё было сном и было всё со мной
и я шагал не ощущая тверди
и мне казалось это после смерти
бредёт моя донецкая душа
и мёртвый питер смотрит не дыша

* * *

где понты и кореша
где казённая лапша
всё сплыло увы
тихо шифером шурша
отставной иван-душа
бродит вдоль невы
на воде играет рябь
отражая неба хлябь
хлюпает река
неча боле пальцы гнуть
то ли в реку сигануть
то ли в облака
всё кончается добром
вдалеке гудит паром
только посмотри
чайки трогают ворон
как светло со всех сторон
как темно внутри

* * *

я жалок я сделан из жилок и стен
как стебель некрепок и слеп
приходит воркуя господь новостей
приносит сомнительный хлеб
и крошит на камни горелую плоть
чужую мою и свою
в хреновые новости верит господь
и клавиши пальцы клюют
и день нарекая последним из дней
последнею ночь из ночей
он буквой о букву скрипит в западне
забористой громче бойчей
слова создают миры в пустоте
клокочущей вязкой мясной
господь распинает себя на кресте
и строчит в портал новостной
и я убегаю на верхний этаж
грустить и кистями хрустеть
блаженная тишь и господняя блажь
и нет никаких новостей

* * *

болтаются под куполом небес
два демона два ангела два йога
сердечный бес и бессердечный бес
стращают бога байками из блога

внизу копят бетонные миры
картонные солдаты клеят ружья
слова выходят строем из игры
кишками и матрёшками наружу

а здесь вверху сплошная благодать
небесный град святые государи
до будды и христа рукой подать
и солнцу улыбается гагарин

* * *

люди стояли в очереди за счастьем
счастье стояло в очереди за хлебом
булочки в хлеб добавляют пластик
раньше они в хлеб добавляли небо
раньше мы и сами другими были
раньше и другие бывали нами
раньше было время былин и пыли —
выбыло и сплыло и таймер замер
что-то барахлит как хитин рахита
что-то надвигается как надежда
надо же дожать то что не дожито
надо же нажать не гроши так нежность

* * *

смотришь на́ воду видишь дома и дым
как деревья лапами держатся за стекло
и себя в пустоту глядящего из воды
обходящегося без воздуха и без слов

набежит волна и начнёт стирать
расплывётся облик качнётся блик
под водой ни жить не надо ни умирать
только стой себе и в себя смотри

на губах выступают то соль то сок
влагой наполняется голова
под водой вода не вода а сон
о себе о воздухе о словах

* * *

у зла за пазухою копится добро
вагончик тронется подвинется перрон
и время вспомнится скользя со всех сторон
стекая по усам в раскрытый рот
состав отправится отравится среда
железная дорожная беда
течёт из воздуха из ржавчины и льда
туда-сюда
ты дуешь в небо в облако в свисток
а сам сыпуч как сахарный песок
а сам летуч как цветик-лепесток
заглядывая в божеский роток
узри узри там происходит речь
одна из самых окаянных рек
она должна до капельки истечь
куда-то в ночь и превратиться в бред
она должна застывшая на миг
свой птичий клёкот извлекать из книг
и эхом-смехом отдаваться в них
и ты её пожизненный должник

Содержание

<i>Александр Кораблёв. Дом и дым</i> (о поэзии Александра Курапцева)	3
---	---

ЧАСТЬ I

Младенец ловит небо ртом....	7
кто стучится в дверь ко мне....	8
Живее всех живых живой язык....	9
труба сосёт из неба синь....	10
В стакане дня темно и сыро....	11
стакан наполовину полнопуст...	12
солнцеворон висит сгоревшей лампой....	13
надень колечко обречальное...	14
Время делается плотнее...	15
Посадил у дороги дерево, вырос крест...	16

ЧАСТЬ II

во глубине донецких руд...	17
Курили мужики, курили...	18
Под серым небом сонная трава...	19
собирались во дворах...	20
из Тудырки с приветом...	21
Производственный роман	22
набитый злыми мужиками...	24
Проезжая сквозь гнездо кукушки...	25
Иван-душа дышал на ладан...	26
Сосед умер ещё в прошлом году, зимой...	28
старые фотографии листая....	29
из дверного проёма в другой район....	30
спасибо деду за победу...	31

ЧАСТЬ III

ходят щеневмерлики по дворам....	32
вылез вася из земли....	33
Гражданин уходит на войну...	34

Здесь красивая местность...	35
у снега глаза велики...	36
Мимо пацаков, ацтеков, отстойников....	37
Мама, мама, брат мой Авель...	38
Лежала во чистом поле мёртвая голова....	39
спит-богатырским-сном-богатырь-и-с-ним-богатырский-конь...	40

ЧАСТЬ IV

Переделываешь мир под кошмарный сон...	41
Во тьме египетской не видно ни хрена....	42
Наша сила в слове, а не в руках...	43
разгоняясь оглядись по сторонам...	44
троллейбусы едут едут...	45
Время, чуждое, как чушь...	46
корова перепрыгнула луну....	47
Камешек после смерти становится порошком...	48

ЧАСТЬ V

Полфрейда за коня, полдетства за Эдипа!..	49
Говорила мне мама тысячу раз подряд....	50
на поле марсовом на сникерсовом поле...	52
где понты и кореша...	53
я жалок я сделан из жилок и стен...	54
болтаются под куполом небес...	55
люди стояли в очереди за счастьем...	56
смотришь на воду видишь дома и дым....	57
у зла за пазухою копится добро...	58

БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРНОГО КЛУБА XL

Президент клуба Евгений Антипов

Куратор клуба Александр Либушкин

ПРОЕКТ Вячеслава Заренкова
СОЗИДАЮЩИЙ МИР

Литературно-художественное издание

Александр Владимирович Курапцев

ИВАН-ДУША

Стихи

Редактор *Юлия Медведева*

Фотография на обложке *Павел Чуприна*

Портрет на обложке *Александра Климова*

Дизайн и верстка *Алексей Воропанов*

Подписано в печать 23.03.2024. Формат 60 × 88¹/₁₆.

Усл. печ. л. 3,8. Тираж 200 экз. Печать офсетная.

Заказ № 060.

Отпечатано в соответствии с предоставленным оригинал-макетом
в типографии издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 40.

Тел. (812) 766-05-66. E-mail: book@renomspb.ru

ВКонтакте: https://vk.com/renome_spb

www.renomspb.ru